

Лапшов Александр.

Кропоткин и хилиазм

2015, источник: [здесь](#). Милленаристические тенденции в воззрениях Кропоткина.

С первого взгляда каждому, более или менее знакомому с творческим наследием великого анархиста, твёрдо стоящего на позициях позитивизма и материализма, может показаться парадоксальным и даже вульгарно-электическим само название данной статьи. Ведь большинство последователей анархизма вообще и особенно анархо-коммунизма «Кропоткинского толка» безоговорочно согласно с утверждением Макса Неттлау что, «как только религия появляется в качестве активного фактора, она оказывается нашим открытым врагом», т.е. религиозные установки и постулаты, даже при прогрессивно-революционном характере некоторых из них, в целом антиподы идеалам прогресса, идеям акратии. Но это лишь на первый взгляд. Взгляд на религию с точки зрения признания в ней в качестве основных статически-метафизических начала и сведений к разряду второстепенных и малозначительных её динамически-диалектических элементов. Например, традиционно мало уделяется вниманию изучению и осмыслению многочисленных христианских ересей от катар до духоборов, в плане их социально-революционных позиций и традиций умеренного антиэтатизма, что ведёт к недооценке их мировоззренческого значения и идейного влияния на прогресс общественного развития.

Фигура Кропоткина, как учёного и философа энциклопедического масштаба, явно не вписывается, как в узкие рамки «критических» представлений о нём кабинетных доктринёров «эпохи исторического материализма», так и в «прокрустово ложе» псевдоматериалистической и псевдоэкзистенциалистической «апологетики» неолибертариёв, основывающейся на слегка модернизированных позитивистских догмах середины XIX века. Идеи, им высказанные, отличаются широтой и толерантностью, в пример затхлой ортодоксии, неверно и невнятно понятого в философском плане, анархизма его современников и потомков. Нет, они хорошо усвоили и последовательно придерживаются главного принципа анархиста, что «Карфаген (в смысле государство) должен быть разрушен!», но ими подчас не всегда осознаётся и душевно и духовно понимается другое, не менее основное, положение анархизма, что помимо созидающего разрушения (по Бакунину), в процессе преобразования общества на либертарных началах должно присутствовать и разрушающее созидание (по Кропоткину). При этом ими, мало того, что нарушается принцип единства анализа и синтеза (что аналогично диалектическому единству разрушения и созидания), что в свою очередь под предводительством своего рода «материалистического агностицизма» ведёт напрямую к догматике «материалистического фидеизма» (свято место пусто не бывает!), явно недооценивается, а порой и вовсе игнорируется, вся полнота сияющего отточенными гранями диалектической электики гения

Кропоткина, где эмпирически, но в большинстве случаев абстрактно-интуитивно, зиждется идея великого примирения во всеобъемлющем Культе повседневности и возвышенности, свободы и равенства, религии и науки, т.е. даётся развитие в новом времени пророческих догадок, надежд и чаяний великих хилястов поздней античности и средневековья. Не случайно, все окружавшие Петра Алексеевича, как идеологические противники, так и последователи и сторонники, отмечали эту цельность его мировоззрения, это своеобразное единство противоположностей его взглядов, указывающих путь действенного (а значит и действительного) освобождения человечества от власти зла всякого ига.

Как тот же Макс Неттлау сказал о своём друге и учителе, что он был «Человек редкой огромной активности... Многие причины поставили его на рубеже между учёным и пророком». А вот «характеристика», данная «крёстным» князя-бунтаря в народничество Н.В.Чайковским: «...В духе своего анархизма Кропоткин был не разрушитель. Он был творец в науке также, как и в общественной жизни его родины, и из этого источника – его очаровательная красота и сила его души...»

Как истинный сын «просвещённого» XIX века, Кропоткин-учёный стремился порвать (что вполне справедливо и верно) со всеми религиозно-этатическими химерами фидеизма. При этом Кропоткин-мыслитель в этическом и чувственно-интуитивном плане находит в религии рациональное зерно нравственности, прорастающее среди Евангельских заповедей Христа (равно как в проповедях Будды, Лао-Цзы, Заратустры, Мухаммеда), делая её краеугольным камнем анархизма, который по его словам «не утопия на будущие времена, а одухотворённый принцип для действий во всякое время; сегодня, так же, как и завтра».

Вот так это этико-религиозное положение выражено им под личиной революционно-атеистического пафоса (и скорее всего неосознанно-подсознательно, что делает это высказывание ещё более ценным) уже в самом раннем сборнике его произведений «Речи бунтовщика»: «...Человек начинает понимать, что счастье невозможно в одиночку, что личного счастья надо искать в счастье всех – в счастии всего человечества... Простое, но несравненно более животворное чувство единства, общения, солидарности со всем и каждым... подсказывает человеку: «Если ты хочешь счастья, то поступай с каждым человеком так, как бы ты хотел, чтобы поступали с тобой. И если ты чувствуешь в себе избыток сил любви, разума и энергии, то давай их всюду, не жалея на счастье других; в этом ты найдёшь высшее личное счастье». И эти простые слова – плод научного понимания человеческой жизни и не имеющие ничего общего с ведениями религий – сразу открывают самое широкое поле для совершенствования и развития человечества».

И в гораздо более поздней статье «Лев Толстой – художник и мыслитель» Кропоткиным ещё более ясно выражена суть истинной, свободной религиозности в противопоставление её закабаленному в ложной обрядовости, циничной «законности», безбрежном ханжестве «традиционному» религиозному сознанию представителей конфессий, не отринувших этатизм из своего вероучения. «Люди всех религий: буддисты, евреи, мусульмане, христиане и язычники, свободомыслящие и даже атеисты, все одинаково сходятся в том, что хорошо и что плохо. И часто такие люди в своей личной жизни стоят ближе к учению Христа, чем большинство тех, кто считает себя христианами... Основой из всех религий является одна и та же истина и что эта истина (будучи нравственным принципом) не должна

содержать в себе ничего, что отвергает разум, освобождённый от предрассудков и суеверий».

То, что Кропоткиным на этическом (и отчасти эстетическом) уровне были выявлены тенденции «великого примирения» философии и религии на «общей ниве» освобождения человечества от зла «мира сего», выражающегося прежде всего в сатанинском государственном устройстве, было признано даже католической церковью, самой этатической и наиконсервативнейшей из христианских конфессий (одна только папская теократия говорит сама за себя). В польском католическом еженедельнике «Тыгодник Повшехны» о «Записках революционера» было сказано, что «это мудрая и красивая книга о мудром и красивом человеке и его незаурядной жизни, книга о человеке, близком к нам, невзирая на идейные различия».

Оскар Уайльд с высоты своего писательского таланта тоже разглядел высочайший талант Петра Кропоткина; талант непредвзятого учёного-обществоведа и неистового трикстера Анархии. Он так сказал об этом: «К числу самых законченных жизней, какие я только встречал и насколько простирается мой опыт, - принадлежит жизнь Вердена и жизнь князя Кропоткина. Оба этих человека годами сидели в тюрьмах. Верлен – единственный христианский поэт после Данте, а другой с душой Христа, прекрасного, белоснежного, пришедший, как говорят, из России».

Если взглянуть на творчество Кропоткина не с точки зрения ортодоксального анархизма, неистового атеизма или злобствующего этатизма, а объективно, непредвзято, то можно увидеть, что именно им было поднято эклектично-энциклопедическое знамя этического (мистического) анархизма, впоследствии подхваченное Карелиным, Солоновичем, Преферансовым, Чулковым и их сторонниками, и не павшее до сих пор, несмотря на все старания этатизма и вульгарного анархизма (как агента первого) дискредитировать и уничтожить это учение.

С высоты нашей постмодернистской эпохи можно критически, а подчас и скептически-нисходительно, относиться к их своеобразной массонско-орденской «стратегии и тактике» постепенного общества на либертарных началах, predetermined прежде всего этатической реакцией большевизма, впоследствии государственным террором уничтожившей и эти подпольные ростки анархической мысли. Но именно ими, а не «классическими» анархистами, было сохранено и развито учение, которое так спешил и не успел сформулировать Кропоткин в «Этике».

Наш современник, недавно ушедший от нас «последний из могикан» подвижник «первой волны» мистического анархизма, Василий Налимов так характеризовал преемственность воззрений Кропоткина в учении орденов тамплиеров и розенкрейцеров, самоназванных по той же преемственности еретиков-хилиастов позднего Средневековья: «Выдающиеся представители этого направления, А.А.Карелин, А.А.Солонович и Н.И.Преферансов, приступили к строительству «внутреннего человека», духовное состояние которого, основанное на опыте сознания, полагалось единственным условием «Преображения мира». Их понимание и задачи трансцендировали кропоткинские пределы «солидарности и взаимопомощи», достигнув архетипических глубин Универсума – Кришны, Будды, Христа –

Любви и Сострадания».

Созидание «внутреннего человека», т.е. индивида, живущего по Божьей Воле или, другими словами, по законам естественной нравственности (но не права!), есть главная задача анархизма вообще, и мистического (этического, миллениумистического) анархизма в особенности. Это изначально понимали все истинные христиане-антиэтатисты, равно как и неортодоксальные представители иудаизма и ислама. Так «православный анархист» преподобный Серафим Саровский учил: «Стяжай себе мирных дух, и тысячи вокруг тебя спасутся».

Вот и для Кропоткина, как и для хилиастов, Божественное утверждение перманентности свободы воли, больше цель, чем средство освобождения от Зла, «...анархизм – нечто большее, чем простой способ действия или чем идеал свободного общества. Он представляет собою, кроме того, философию как природы, так и общества, которая должна быть развита совершенно другим путём, чем метафизическим или диалектически методами... Я видел, что анархизм должен быть построен тем же методами, какие применяются в естественных науках; но не на скользкой почве простых аналогий, как это делает Герберт Спенсер, а на солидном фундаменте индукции, применённой к человеческим учреждениям. И я сделал всё, что мог в этом направлении» (из «Записок революционера»).

Однако клерикальной ортодоксией всех конфессий и позитивистским верхоглядством большинства учёных разрушены почти все мосты между религией и наукой на путях познания и преобразования мира, и коим они призваны. Эти разделением силы Зла торжествуют над поверженным Добром человеческого духа; Смерть торжествует над Жизнью.

Р.Мецнер в этой связи утверждает, что «нам безусловно следует восстановить уважение к взаимосвязи и духовной целостности всех проявлений жизни на Земле. Мы снова нуждаемся в анимистическом, пантеистическом, алхимическом взгляде, чтобы избавиться от ядовитой повсеместной изоляции человека от остальной жизни. Наука и религия, более сотни лет находящиеся в противостоянии, теперь должны соединиться вновь. Всё более объединяющийся мир требует интегрированного мировоззрения». Это же всей своей жизнью и всем своим творчеством утверждал П.А.Кропоткин – истинный Апостол Анархии (в отличие от лжеапостолов лжеанархизма вульгаризировавших его учение).

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 5 июля 2025 02:53:52

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 5 июля 2025 02:55:10